

Лучшие романы
об уголовном розыске

НИКОЛАЙ ЛЕОЖОВ

Коррупция

ЭКСМО

Гуров

Николай Леонов

Коррупция

«ЭКСМО»

1990

Леонов Н. И.

Коррупция / Н. И. Леонов — «Эксмо», 1990 — (Гуров)

Находясь в отпуске, подполковник Гуров включается в расследование уголовного дела, нити которого ведут в Москву. Он выходит на мощную мафиозную корпорацию, возглавляемую крупным чиновником. Оценив таланты сыщика, глава подпольного бизнеса предлагает Гурову работать на корпорацию.

© Леонов Н. И., 1990

© Эксмо, 1990

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Николай Леонов

Коррупция

Глава 1

Подполковник Гуров сидел у себя дома в гостиной, тупо смотрел на телефонный аппарат и восстанавливал в уме только что состоявшийся разговор.

– Лев Иванович, успокойтесь, – голос звучал мягко, но начальственно. – Ваши девочки у меня в гостях, чувствуют себя великолепно и даже не догадываются, что уехать без вашего согласия они не могут. Я знаю, что вы человек в высшей степени разумный и не станете звонить сейчас полковнику Орлову и генералу Турилину. Ситуация сугубо личная, касается лишь вас и меня.

– Дайте трубку Рите.

– Я звоню из автомата, а ваша очаровательная супруга и дочка находятся, как вам хорошо известно, за тысячи верст.

– Вы идиот. Я ничего не могу сделать ни для Лебедева...

– Лев Иванович, вы же умница, не берите в голову чужие заботы...

– Так что вам нужно?

– Мне нужны вы, Лев Иванович Гуров. Я вам предлагаю отличную сделку. Подумайте. Вы человек талантливый. А в жизни за все приходится платить. Извините за пошлость, но бесплатных пирожных не бывает...

Он, сыщик, проработавший в розыске без малого двадцать лет, побывавший не раз в экстремальных ситуациях, сейчас не мог не только найти решение, но хотя бы сосредоточиться. Мысли, точнее, лишь обрывки в виде вопросов путались, наталкивались друг на друга, словно слепые котятка. «Девчонок нашли... Как? Кто? Где они сейчас? Что хотят от меня? Что будет с девочками?»

Как выражаются боксеры, Гуров «поплыл», то есть пропустил сильный удар, остался на ногах в силу инерции, но потерял ощущение пространства и времени. В таких случаях судья прерывает бой, дает возможность человеку прийти в себя либо признает его побежденным. Вновь зазвонил телефон, Гуров вытер потную ладонь, взял трубку:

– Слушаю.

– Лев Иванович, – зазвучал тот же интеллигентный голос. – Вы пришли в себя, оценили ситуацию?

– Допустим. Что дальше? Я же тебя под землей найду...

– Видимо, не оценили, – перебил абонент и усмехнулся. – Даю вам сутки, надеюсь при нашем следующем разговоре услышать разумные слова и дружеский голос.

Только Гуров положил трубку, как телефон тут же зазвонил снова.

– Лев Иванович? Это Серов. Ты, главное, не волнуйся. Я их под землей найду...

– Не надо, – перебил Гуров. – Не вини себя, работай. В ближайшее время позвоню, – и, не дожидаясь ответа, положил трубку.

Неделю назад заместитель начальника отдела МУРа подполковник милиции Лев Иванович Гуров понял, что ввязался в борьбу с мафией. Он отдыхал на Черноморском побережье, и его пути случайно, без всякого с его стороны желания пересеклись с мафией, схватка перенеслась в Москву. Гуров решил обезопасить свои тылы и отослал жену Риту и ее сестренку Ольгу в далекий город за Урал, где начальником уголовного розыска работал его приятель майор

Серов. Гуров не верил в реальную опасность для своей семьи, но, как человек опытный, считал необходимым перестраховаться.

Он взглянул на часы – три, ночь. Вчера вечером, всего лишь каких-то пять часов назад, были арестованы подпольный миллионер Лебедев и профессиональный убийца Иван Сыч. Обоих взяли с поличным, подполковник Гуров чувствовал себя абсолютным победителем, а сейчас...

«Зачем я ввязался в это дело, не мое оно, да и в отпуске я... Как в песне поется: „Кто ищет, тот всегда найдет“. Я нашел. За жизнь своих девочек я душу дьяволу отдам, а не только погоны и партбилет...»

Он поднялся и пошел в ваннуюриться. Так уж в его жизни повелось, что в самые трудные моменты он тщательно мылся, брился, надевал свежую рубашку и новый костюм. Хотя чему удивляться, на Руси исстари умерших обмывали и одевали в лучшее...

Через некоторое время он в полном параде, с чашкой кофе в руке сел за письменный стол, на котором уже лежали наручники и пистолет. Это был не табельный «макаров», который, согласно инструкции, хранился в сейфе в рабочем кабинете Гурова. Лежащий на письменном столе пистолет он примерно год назад выбил из рук бандита и вместо того, чтобы занести в протокол изъятия, положил в карман. Подполковник Гуров был убежден и не раз делился своими мыслями с коллегами на оперативных совещаниях, что если органы милиции не будут официально оставлять в своем распоряжении изъятые у преступников оружие, радио- и видеотехнику, автомашины, то по техническому оснащению отстанут от своих противников так же, как наше общество от развитых стран, то есть навсегда.

Подполковника Гурова критиковали, разъясняли, что данный вопрос может быть решен только МВД, Минфином, Госпланом, ЦК, а значит, не при нашей жизни. «Пройдет время, – думал Гуров, – и вы эту позицию осудите, приклеите ей ярлык типа „застоя“.» И когда он выбил из руки бандита оружие, то... Короче, сейчас этот пистолет с глушителем лежал на письменном столе.

Кто? Откуда мафия получила информацию? Он записал эти вопросы, начал думать. Информация пришла от Серова из-за Урала? Исключено. Она поступила из Москвы, конкретно от него, Гурова... Он отмотал время назад и начал восстанавливать свою жизнь по часам, даже минутам. Когда, с кем он встречался, о чем разговаривал. Из сыска-ретроспекции подполковник не исключал ни своих друзей, ни подчиненных, ни генерала – никого.

Это был труд, Гуров дважды варил кофе и умывался, пришлось даже сменить рубашку – она липла к спине и раздражала.

И он нашел.

Информацию дал не он, а его непосредственный начальник полковник Орлов.

...Кабинет. Петр Николаевич Орлов стоял за своим столом, перекладывая бумаги, генерал Потапов стоял у окна, он, Гуров, по многолетней привычке, расхаживал по кабинету. В служебном разговоре возникла пауза, неожиданно Орлов спросил:

– Как здоровье Серова?

– Кого? – не включившись, переспросил Гуров.

– Того простоватого хитрющего русского мужичка, подполковника, с которым ты размазывал убийство там, в глубинке, за Уралом. – Орлов взглянул озорно и подмигнул.

– Откуда мне?.. – Гуров пожал плечами и почему-то взглянул на Потапова.

– Будешь говорить с супругой, передай привет, – Орлов довольно хохотнул, тут же сделал серьезное лицо и заговорил о делах.

Генерал Потапов к разговору явно прислушивался, Гуров на это внимания не обратил, а беззлобно ругнулся в адрес друга-начальника. Мол, обязательно тому требуется подчеркнуть, что какой ты, Лева, ни гениальный, а меня, старого сыскаря, тебе не объехать. Полковник был мужик умный, но к славе своего меньшого, как он порой называл Гурова, ревновал...

– Потапов! – сказал Гуров и хлопнул ладонью по столу. – Сука! Предатель! Мразь!

О нечистоплотности генерала Потапова знали все старшие офицеры управления. Некогда он состоял в команде замминистра – генерал-полковника. Вместе ели, пили, резвились, а когда шефа арестовали и судили, Потапова от должности отстранили, долго держали за кадром. Все были уверены, что его уволят, но нет, остался, слетел на три этажа и остался. Сегодня Гуров не знал, как должность Потапова называется. Однако генерал – он и есть генерал.

– Потапов! – повторил Гуров, вышел из-за стола, зашагал по кабинету.

«Они утверждают, что я им нужен. Зачем? Помочь арестованным я не могу, им это отлично известно. Никаких компромиссов, иначе поставят к стенке и заставят совершить такое... Отец... Мать... Фамилия... – почему-то о товарищах по работе он не думал. Неосознанно он причислял генерала Турилина, полковника Орлова к числу виновников происшедшего. – Они помочь не могут. Я обращусь, начнет скрипеть и разворачиваться неуклюжая многоступенчатая машина, информация уйдет на сторону, и девочки умрут. Если я начну торговаться, они тоже умрут». У него началась рвота, он еле добежал до туалета.

«Я должен это сделать один».

Он долго просчитывал варианты, понял, что необходим помощник. «Кто? Ребята из МУРа не годятся, я не имею права толкнуть их на преступление». Он взглянул на часы – шесть утра, подошел к телефону, снял трубку, набрал номер. Трубку долго не брали, он ждал, наконец севший мужской голос ответил:

– Ну?

– Денис?

– Ну?

– Говорит Гуров. – Он сделал паузу. Сейчас по реакции он поймет, зря звонил или нет. На другом конце мужчина откашлялся и, четко выговаривая слова, сказал:

– Здравствуйте, Лев Иванович. Я весь внимание.

– Умойся, побрейся, не завтракай и приезжай ко мне. Адрес помнишь?

– Конечно, – ответил Денис и положил трубку.

С олимпийским чемпионом Денисом Сергачевым они последний раз виделись прошлым летом...

Был июнь, день выдался прохладный, и Гуров благоденствовал, так как жару не переносил. Он сидел в своем кабинете, долго писал бесконечные бумаги, поэтому телефонному звонку обрадовался.

– Гуров.

– Лев Иванович, здравствуйте, – произнес уверенный мужской голос.

– Здравствуйте, – ответил Гуров. – Простите, не узнаю.

– Вы меня не знаете. Я хотел бы с вами встретиться.

– С удовольствием, – сказал Гуров. – Для оперативного работника такое желание всегда приятно.

– Всегда? – чувствовалось, что абонент улыбается.

– Всегда, – твердо ответил Гуров. – Когда и где?

– Через час?

– Можно.

– Договорились. Через час вы выходите из управления и идете в сторону Пушкинской по правой стороне. Если вас не будут сопровождать, я к вам подойду. До встречи.

– До встречи, – ответил Гуров, но неизвестный уже положил трубку.

Он с радостью школьника, которому разрешили не делать домашнее задание, сгреб со стола бумаги, убрал в сейф, подумал и взял в руки пистолет.

Розыгрыш? У кого-нибудь из коллег юбилей, и его вытаскивают с работы? Голос был уверенный и спокойный. Чтобы узнать, холодная вода или нет, необходимо нырнуть. Такая

встреча может оказаться и пустышкой, и золотым самородком. Всякое может быть, решил Гуров и надел наплечную кобуру.

В назначенное время он неторопливо шел по указанному маршруту. Светлую «Волгу», стоявшую у тротуара, Гуров отметил шагов за тридцать. Два здоровенных парня пытались втиснуть в багажник непомерно большую коробку с телевизором. Гуров придержал парней взглядом, понял, что у них забот и без него достаточно, оглянулся, перевел взгляд вперед, и в этот момент его с двух сторон взяли под руки. Ему показалось, что локти сковали металлом. Он бросил взгляд вдоль тротуара, увидел женщину с коляской, молодую пару, понял, что кричать – только позориться.

Водитель уже стоял рядом, он сказал:

– Без глупостей, Лев Иванович, – захлопнул багажник, смяв пустую коробку, и открыл заднюю дверь.

Гуров мог поставить ноги враспор, но тогда ударят по голове и, судя по тому, как жестко держали, ударят наповал, и он сел в машину.

Его сжали с двух сторон, один из парней ехидно прошептал:

– МУР. МУР. Легенда! Раритет...

Парень с девушкой наблюдали за происходящим в оцепенении. Когда «Волга» рванула с места, девушка зашептала:

– Номер. Запомни номер.

Парень, пытаясь скрыть свою растерянность, махнул рукой и авторитетно сказал:

– МУР работает. Какого лба смахнули среди бела дня. Тихонечко! Класс!..

«Волга», недолго попетляв по переулкам, остановилась у кафе. «Охранники» выскочили из машины, распахнули двери, картинно раскланялись. Гуров вошел, оглядел небольшой зал, за скромно накрытым столом только мужчины. Сидевший во главе встал, поднял бокал.

– Здравствуйте, Лев Иванович! Прошу!

Гуров, потирая затекшие руки, оглядел собравшихся, никого не узнал, приблизился к улыбающемуся тамаде.

– Здравствуй, Денис. Развлекаешься? – Гуров разозлился.

– Говорил, что не дело, – пробурчал один из присутствующих, мужчина не старый, но совершенно седой. – У человека без наших хохмочек всего в достатке.

Повисла пауза, Гуров чувствовал, что всем неловко, и весело сказал:

– Верно, в достатке. А вот хохмочек не хватает. – Подошел к Денису Сергачеву и, хотя не испытывал к нему теплых чувств, обнял, похлопал по спине. – Спасибо, что выдернули на свет божий, – и занял предложенное место.

– Друзья! Соперники! Пенсионеры! – Денис поднял бокал. – За нашу встречу! – и чокнулся с Гуровым.

На тост ответили нестройно, без энтузиазма, но на Гурова взглянули с любопытством, однако быстро отвлеклись, заговорили о своем. Гуров почувствовал, что Денис хочет ему объяснить происходящее, подтолкнул его в плечо, мол, помолчи.

Впервые Гуров и Сергачев встретились у трупа молодой красивой женщины. Поначалу Гуров заподозрил бывшего спортсмена в убийстве. Но вскоре разобрался, истинный преступник был арестован. За прошедшие годы они несколько раз перезванивались, дважды встречались, говорили за жизнь и ни о чем.

Гуров ненавязчиво оглядел присутствующих. Двенадцать человек, только мужчины в возрасте от тридцати до сорока, и лишь один был абсолютно седым. Спортсмены, а седой – тренер, понял Гуров.

Через несколько минут на него уже не обращали внимания, лениво и тихо разговаривали, пили разное: водку, вино, минералку, а ели с аппетитом.

Гуров усвоил правила игры, тоже ел и пил, любопытства не проявлял, прислушивался к обрывкам не всегда понятных фраз.

- Не могу я по утрам бегать, сызмальства этого терпеть не перевариваю.
- Таскаю помаленьку... Лежа полторашку трою...
- У меня с этим делом хреновато... Хотя организм пока держит...
- А я не приучился. Мучаюсь... Все в компании, а я как медведь-шатун.
- Лешку не видишь?
- Его теперь надзиратель видит...
- А Семен на Республику заявил...
- Я своего в зал трижды приводил. Бегет...
- А наш на Европе... опять...
- И не говори, слезы...
- Как жрать таблетки перестали, так и кранты результатам...
- Кто перестал, а кто...

Денис свистнул, разговоры примолкли.

– Лев Иванович, – Денис встал. – Надоело нам читать и слушать, как мастера и чемпионы мафии служат. Вот! – Он оглядел друзей. – Эти парни завоевали все «золото» мира. Им обидно.

– Хотите создать боевую бригаду? – Гуров потер все еще болевший локоть. – На подвиги потянуло? Перережут вас, как курей.

– Не обижай, командир, – сказал один из богатырей и легко переломил столовый нож.

– Но мы-то вас с улицы сняли, и в телевизор вы поверили.

– Если мы знаем, кого, где, когда надо с улицы подобрать, – усмехнулся Гуров, – тоже суп на пиджак не прольем. Борьба на ковре, помостах, борьба с преступниками требует многолетней выучки. А вы сильные, ловкие... дети. Я не хотел вас обидеть. Хотите работать в милиции?

– Да пошел бы ты...

– Я так и понял. Вы хотите быть Робин Гудами. Тут я вам ничем помочь не могу.

Позже Гуров с Сергачевым гуляли, каждый чувствовал себя виноватым, разговор не клеился, а прощаясь, спортсмен взял милиционера за плечи и, глядя прямо в глаза, сказал:

– Если тебе нужна будет помощь, только позвони...

Слова были высокопарны, но взгляд убедителен.

И сейчас Гуров тот разговор вспомнил и позвал. Ему требовался человек не милицейский, верный и отличный стрелок. Денис Сергачев, чемпион Олимпиады, мира и окрестностей, был подходящей кандидатурой.

Гуров еще возился с приготовлением завтрака, когда приехал Сергачев, пожал руку, стянул мокрый плащ, молча прошел на кухню и начал помогать. В общем, вел себя так, словно его не вытащили из постели ни свет ни заря, а договорились о встрече давно, она состоялась и проходит потихоньку. Съели яичницу с колбасой, пили кофе, когда Денис неожиданно спросил:

– Лев Иванович, тебе сколько лет?

– Без минуты тридцать девять.

– А мне сорок один. – Денис прищурил карий глаз, пожал могучими плечами. – А почему я к тебе по имени-отчеству, а ты ко мне по имени?

– А оттого, что ты, как каждый спортсмен-профессионал, в детстве сильно задержался, – ответил Гуров.

– Значит, договорились, – констатировал Сергачев. – Стартуй. Я тебя слушаю.

Гуров коротко обрисовал ситуацию и еще короче закончил:

– Я тебя приглашаю на дело, которое может для нас обоих закончиться тюрьмой. И сидеть мы будем в разных камерах.

Сергачев помолчал, затем спросил:

– А ты бы со мной на такое дело пошел?

Теперь выдержал паузу Гуров.

– Вряд ли. Я бы тебе не поверил и предложил что-нибудь иное. А ты мне должен верить, вопросов не задавать и либо согласиться, либо отказаться.

– Змей, – констатировал Сергачев.

– Профессионал.

– Хорошо. – Сергачев тяжело вздохнул, поднялся, расправил плечи. – Когда?

– В девять я позвоню. Если он согласится, значит, я угадал. А пока обговорим детали и два варианта. Один...

– Победа и поражение, – перебил Сергачев. Привычный вариант.

Они проговорили до девяти, затем Гуров снял трубку, набрал номер, после первого же гудка услышал:

– Потапов.

– Доброе утро, Сергей Михайлович, Гуров беспокоит.

– Доброе, Лев Иванович. Чем обязан?

– Необходимо срочно встретиться и поговорить.

– За чем дело встало? Подъезжайте, я до обеда у себя, – ответил Потапов, голос у него был ровный, спокойный. – И чего ты такой неумный, подполковник? У тебя отпуск, отдыхай. Ну, если так приспичило, жду.

«Неужели ошибся?» – подумал Гуров и сказал:

– Не надо, чтобы нас видели вместе!

– Интересно, почему?

Гуров не отвечал. «Либо я промахнулся, – решил он, – либо эта сволочь сейчас согласится».

– Ну хорошо, – произнес наконец Потапов. – Кафе? Ресторан?

– Это еще хуже. – Гуров показал Сергачеву большой палец. – Если я к вам приеду – плохо, если нас засекут на нейтральной территории – тоже плохо.

– Я не очень понимаю, – нерешительно проговорил Потапов, и голос у него сильно изменился. – Какие предложения?

– Непогода... Сейчас за городом ни души. Алтуфьевское шоссе знаете?..

Генералу Потапову недавно исполнилось пятьдесят пять, но выглядел он значительно моложе. Занятия на тренажерах, карате, сауна, бассейн, в общем, ничего нового и интересного. Сергей Михайлович умудрялся, участвуя в самой безобразной попойке, пить минимально, но выглядеть со всеми наравне. А утром он, надев два тренировочных костюма, обязательно бегал кросс. Генерал походил на киношного американца, такого неувыдающего супермена с неизменной улыбкой, с шуткой, прекрасно носившего форму, но не менее элегантно выглядевшего в штатском. Женщины его обожали, подчиненные побаивались и не любили, а настоящие мужики относились брезгливо, стараясь соприкоснуться с ним как можно меньше.

Он часто ездил без шофера и сегодня взял служебную машину, сел за руль и покатил на встречу с Гуровым. Потапов не боялся сыщика из МУРа, генерал вообще был не труслив, но и не глуп, поэтому пистолет с собой прихватил. Он согласился на встречу по одной-единственной причине: он знал, что Корпорация вербует подполковника, знал, какой интерес к нему проявляет Патрон, и решил осуществить вербовку лично, чем укрепить свое сильно пошатнувшееся положение. Если при Хозяине, как между собой называли генерал-полковника Чурбанова, Потапов обладал реальной властью, то после его ареста власть потерял и стал простым информатором. Такое положение его не устраивало, и генерал решил, что вербовка подполковника существенно изменит его положение в Корпорации.

Потапов выехал на Алтуфьевское шоссе, увидел, что за ним пристроились белые «Жигули», и удовлетворенно кивнул.

Гуров максимально сосредоточился на предстоящей встрече, что помогло ему не думать о девочках. После того как решение было принято, он успокоился, обрел уверенность. Он вынул из кармана пистолет и протянул сидевшему позади Сергачеву. Как Денис втиснулся между передним и задним сиденьями, как сумел уместиться, оставалось загадкой – его колени находились выше головы. Денис взял пистолет, выщелкнул обойму, заглянул в канал ствола, проверил спусковой крючок и сказал:

– Дал бы дома, я бы его сделал помягче, но не горюй, сыщик, и так не промахнись.

Гуров не ответил и свернул за «Волгой» на проселочную дорогу.

– Ты поосторожней, – продолжал Денис. – Я его видел в спортзале, мужик в полном порядке.

– Знаю, – Гуров вынул из «бардачка» наручники, сунул их в карман плаща.

Был март, но в лесу еще лежал снег, серый и умирающий. «Волгу» порой заносило. Потапов взглянул в зеркало, увидел, что следовавшие за ним «Жигули» мигнули фарами и остановились. Он вышел из машины, присмотрелся к остановившимся метрах в тридцати «Жигулям», но номер был залеплен грязью, и генерал усмехнулся, пошел навстречу Гурову.

– Привет, подполковник, – Потапов протянул руку. – Ты великий конспиратор.

– Здравствуйте, – Гуров ответил на рукопожатие и даже улыбнулся. – Каждый сыщик – конспиратор.

Он указал на тропинку и пошел в лес. Потапов замялся. Оглянулся, прошелся рукой по карману, проверяя, на месте ли пистолет, затем последовал за Гуровым, который, оскальзываясь, шагал сквозь березняк.

Потапову ситуация начинала не нравиться, он, вынув пистолет, дослал патрон, снял с предохранителя, чуть приотстал, шагов на десять. Неожиданно Гуров повернулся и сказал:

– Мне нужна ваша помощь. Да не держитесь за пистолет. – Он похлопал по карману. – Я без оружия, а в рукопашной вы сильнее.

– Это точно, – Потапов вынул руку из кармана. – Так какая помощь?

– Сам знаешь, – переходя на «ты», сказал Гуров.

– Понятия не имею, – Потапов пожал плечами.

– Хорошо. – Гуров тоже пожал плечами. – Неделю назад я отправил свою жену и ее сестру за Урал... к другу. Ваши люди разыскали их и захватили. Ночью мне позвонили...

– Ты в своем уме? – Потапов взглянул возмущенно и, встретившись с Гуровым взглядом, «пустил петуха», но все же закончил: – Ты с кем разговариваешь?

– С членом мафии, – флегматично ответил Гуров. – Или как вы себя называете? Корпорация? И ты знаешь, что я об этом знаю. Вы меня вербуете. Зачем я вам нужен, не понимаю. Согласен на ваши условия.

Потапов оглядел Гурова с сомнением.

– Быстро согласился? – усмехнулся Гуров. – У меня была ночь. Скажу честно, генерал, самая плохая ночь в моей жизни.

Гуров вынул из кармана пачку сигарет, вытряхнул одну и дрожащими руками начал чиркать спичками. Потапов подошел и миролюбиво сказал:

– Лев Иванович, история с твоей семьей прошла мимо меня. Я бы не позволил.

– Эй, мужики! – раздался мужской голос за спиной Потапова.

Он непроизвольно обернулся, Гуров выхватил из кармана наручники и, пользуясь ими, как кастетом, ударил Потапова в солнечное сплетение. Генерал хрюкнул, согнулся, упал на колени. Гуров завел его безвольные руки вокруг дерева, защелкнул наручники на запястьях. Потапов задел виском за кору дерева, содрал кожу, по его лицу потекла кровь.

Гуров переложил пистолет Потапова к себе в карман, носовым платком вытер кровь, присел на пенек и закурил.

«Вот я и совершил преступление, – спокойно, словно о ком-то другом, подумал Гуров. – Хотя ничего доказать нельзя, да и заявлять подонок никогда не станет, но я-то знаю...» Потапов перестал хрипеть, несколько раз глубоко вздохнул, Гуров заговорил, словно ничего не произошло и беседа не прерывалась.

– Значит, ты бы никогда не позволил... Дальше. Маленькое отступление. Бесплатный совет. Разговаривая с противником и услышав за спиной крик или шум, не крути головой, а сделай шаг назад и в сторону. На оперативной службе это знает каждый сопляк. Теперь говори.

– Команду дал не я...

– А отбой дашь ты.

– Из леса?

– Да уж что-нибудь придумаем.

– А если не придумаем? – Потапов покосился на Гурова, который докурил сигарету, выщелкнул окурок, проследил за его полетом и вздохнул.

– Погиб от рук неизвестных преступников... Понимаю...

– А мне говорили, что ты дурак. – Гуров вытащил из-под снега жухлую травинку, начал жевать. – Девочки должны прилететь в Москву завтра утром.

– Договорились, – сказал Потапов, понял, что получилось неубедительно, и добавил: – Тебе придется поверить мне на слово.

– С одним условием. Ты мне тоже веришь на слово.

– Договорились, – повторил Потапов и облегченно вздохнул.

– Если ты меня обманешь, тебя мгновенно убьют, – равнодушно сказал Гуров.

Потапов поднялся с колен, обнимая скованными руками сосну.

– Кончай балаган, а угрозы оставь для слабонервных.

– Жить хочешь? – поинтересовался Гуров.

– Ну мы же договорились.

– Я тебя, сука, спрашиваю, жить хочешь? Тогда прилепись к дереву и замри.

Потапов плотнее обхватил ствол, прижался лбом к шершавой коре. Гуров поднял руку. Две пули шмякнулись в дерево по обе стороны головы Потапова, едва не продырявив уши, два выстрела-хлопка слились в один. Генерал втянул голову в плечи.

– Ты все понял? – Гуров снял с Потапова наручники, отряхнул плащ, указал на влажные на коленях брюки и мокрые ботинки. – Не простудись. Тебя убьют. Ты мне поверил на слово?

– Безусловно. – Потапов находился еще в шоке, но старался держаться с достоинством.

– Стрелять он умеет. Ты его не знаешь, он тебя знает. Если ты передумаешь или я споткнусь на лестнице и сломаю ногу...

– Нет, уж ты, пожалуйста, не спотыкайся, – Потапов старательно улыбнулся.

Гуров не слушал его и продолжал:

– Девочки должны быть в Москве завтра утром, – он взглянул на часы. – У тебя уйма времени.

Гуров сунул наручники в карман и зашагал к машине.

– Верни пистолет, – сказал Потапов.

– Нетабельное оружие носить не положено, – не оборачиваясь, ответил Гуров. – Я обязан следить за законностью.

Поравнявшись с машиной Потапова, он вынул пистолет и прострелил колесо. Выстрел шарахнулся между деревьев, разорвал тишину.

Когда Гуров сел за руль, Сергачев, уже втиснувшийся в «Жигули», спросил:

– А стрелял-то зачем?

– Нервы, – ответил Гуров. – И дурак от рождения.

Когда они проезжали ближайший пост ГАИ, инспектор поднял было жезл, но, видимо, узнал Гурова и махнул: мол, проезжай.

Глава 2

А за тысячи верст от Москвы среди молчаливых заснеженных елей стоял необыкновенной красоты терем-теремок. Недавно жил здесь князь, и совсем неплохо жил, сытно ел и вволю пил. Когда князей отменили – простите, не отменили, князьям лишь порекомендовали свои угоды сократить, – терем попал под сокращение. Ходили слухи, что сделают здесь приют для людей, даже вывеску какую-то притащили, но на ворота не повесили, где-то затеряли, а ворота вновь закрыли. Было объявлено, что обоснуется здесь охотхозяйство, опять же для людей, но последних за ворота пускать не торопились, по усадьбе бегали волкодавы, прогуливались вооруженные люди. Безобразие? Возможно.

Однако надо понимать: в стране перестройка, сложности огромные, сами знаете. А тут теремок то ли бесхозным сделался, то ли банда в нем обосновалась. Даже говорить о такой мелочи неловко.

Руководитель группы боевиков Корпорации, можно его для простоты называть атаманом банды, Эфенди был невысок, но фигурой крепок, смуглолиц и белозуб, а родился в далеких южных краях, в Сибирь же его занесла служба.

Эфенди держал под уздцы смиренно стоявшего коня и, улыбаясь, смотрел на Риту Гурову, которая напряженно сидела в седле. Эфенди старался быть как можно мягче и обаятельнее, получалось у него неплохо, но тяжелая челюсть, а главное, быстрый, жесткий взгляд наводили на мысль, что воскресную церковную школу он не посещал и духовную семинарию не оканчивал.

Ольга стояла рядом, подбоченившись, насмешливо смотрела на сестру.

– Трусиха!

– Высоко, – оправдывалась Рита.

– Валет смиренный, – Эфенди огладил шелковистую холку жеребца. – А вы сядьте свободно, – и повел коня по пушистому снегу.

Ольга отбросила капюшон, разметала русые волосы, подхватила хворостину и издала воинственный клич:

– Сейчас я рассчитаюсь с тобой за все! И что старшая, и что красивая!

На просторной веранде теремка двое бородатых мужчин, распахнув полушубки, прилебявая из глиняных кружек, курили, поглядывали на девушек. Один из охранников был кавказец, второй – явный русак.

– Постарел Эфенди, слабый стал, из рук ест, – сказал русак, вытирая платком лицо.

– Эх, я бы эту маленькую... – ответил кавказец и прикрыл глаза. – Некоторые рот затыкают, а я люблю, чтобы кричала... Кричала! – Он встал, потянулся сильным телом.

– Эфенди вечером в город отъезжает. Тебе младшую, мне старшую, – русак протянул приятелю руку. – Живем один раз.

– А потом?

– Да ничего. – Русский пожал могучими плечами. – Вольному – воля, спасенному – рай. Я в сторожа не нанимался. – Он хотел продолжить, но услышал, как в доме зазвонил телефон, и быстро прошел внутрь, тут же вернулся, крикнул: – Эфенди! Вас!

Эфенди помог Рите слезть с коня и зашагал к дому. Рите было тридцать четыре, Ольге четырнадцать, сестры они были сводные, но похожи исключительно. Рита взрослой женщиной не выглядела, смотрелась зрелой девушкой, а Ольга уже расцвела, и между ними в последний год возникло неосознанное соперничество.

Ольга оглядела запыхавшуюся сестру, насмешливо сказала:

– Учись, неумеха, – подтянулась, легла животом поперек седла и начала карабкаться, пытаюсь сесть.

Охраннику-кавказцу, который наблюдал за ней, такое зрелище оказалось уже не под силу, он буквально зарычал и прикусил ладонь.

– Потерпи, все тебе будет, – успокоил русский.

Эфенди, переговорив по телефону, вышел на веранду.

– Собирайтесь, летим в Москву. Дамы улетают завтра, первым рейсом, мы – следующим.

– Помыться на дорогу, – сказал кавказец. – Дай я девчонку сполосну...

– Хорошо, – легко согласился Эфенди и вернулся в дом, жестом приглашая следовать за собой. Охранник подмигнул приятелю, вошел в комнату, со света в полумраке мало что различая. Эфенди, прикрыв пистолет овчинным полушубком, дважды выстрелил, перешагнув через труп, вышел на веранду и равнодушно сказал:

– Когда будешь закапывать труп, подумай о жизни. Я не так стар и глуп, как вы... – он сделал паузу и улыбнулся, – это думаете.

Накануне стараниями Гурова завершилась блестящая операция. Подпольный миллионер, один из банкиров синдиката, некто Лебедев, был взят с полумиллионом наличных в руках. Чуть позже Гуров взял штатного убийцу того же синдиката Ивана Сыча, и тоже с поличным, с «горячим» пистолетом.

Еще вчера подполковник Гуров был абсолютным победителем, но порой между днем вчерашним и сегодняшним разверзается пропасть. И сейчас Гуров балансировал на ее краю.

Расставшись с Денисом Сергачевым, Гуров приехал в управление. Он сделал все, что мог, теперь надо выжить до завтрашнего утра. Не хотелось оставаться одному, и подполковник пришел в отдел. Через несколько минут к нему в кабинет постучали, появился оперативник с ненужной бумагой, якобы на подпись, за ним просочился второй, вскоре в кабинете было не продохнуть. Вчерашние победы никто у Гурова отнимать не собирался, но все равно это были победы отдела.

Только шум-гам улегся, только договорились, что будут вести себя достойно, как воспитанные дети, дверь распахнулась и на пороге остановился начальник отдела полковник Орлов. Откуда, спрашивается, взялся, когда опера точно установили, что «деда» вызвали в министерство? МУР – не строевое подразделение, но при появлении полковника сидевшие встали, и все подтянулись.

Орлов оглядел собравшихся, отметил недовольные лица и без присущего ему юмора сухо сказал:

– Милостью божьей моя должность не выборная, марш по местам, – вошел в кабинет и посторонился.

Не суетливо, но быстро оперативники вышли, последний аккуратно закрыл дверь.

Гуров и Орлов были друзьями и лишь при посторонних разговаривали на «вы».

– Не так давно, Петр Николаевич, – пожимая полковнику руку, сказал Гуров, – ты обвинял меня, что я на людей плюю, а ты им – отец родной.

Гуров взглянул на часы, словно ждал возвращения девочек с минуты на минуту. Орлов провел ладонью по его груди, спросил:

– Где твое оружие?

Гуров кивнул на сейф.

– Открой! – приказал полковник.

Гуров отпер сейф, достал пистолет Макарова в кобуре. Орлов взял оружие, осмотрел, провел пальцем по стволу, проверяя свежесть смазки, понюхал, убрал в кобуру. Гуров, наблюдая за другом-начальником с нескрываемым интересом, спросил:

– Кого-нибудь убили?

– Чистодел. Конечно, ты не будешь стрелять из своего оружия, – в тоне полковника звучали и горечь, и удовлетворение.

– Я не стрелял лет сто, – ответил Гуров. – Клянусь твоим здоровьем.

Услышав, что клянутся именно его здоровьем, полковник на секунду смешался, тут же сосредоточился, взглянул сердито.

– Я тебя из рук кормил. Из щенка волкодава вырастил. – Он засопел, откашлялся, разозлился на себя, что говорит красиво, однако продолжал: – Ты сыщик? А я сюда треть века на чашку чая заглядываю? Сядь!

Гуров опустился на потертый диван, Орлов занял место за столом.

– Сегодня в десять на Алтуфьевском тебя видели за рулем белой «шестерки». В том районе стреляли.

– Обознались, Петр Николаевич. – Гуров вновь посмотрел на часы. – Неужто стреляли? В такую-то рань? Бандиты, им утро-вечер – все едино. Работайте, а я в отпуске.

– Где твои девочки?

– Отдыхают, завтра встречаю.

– Точно?

Гуров запнулся лишь на секунду, но полковнику было достаточно.

– Рассказывай.

Гуров понял, что его раскусили, но, упрямо наклонив голову, ответил:

– Я не понимаю тебя.

– Если ты мне не веришь, то кому веришь?

– Петр Николаевич, я тебе верю больше, чем себе, значительно больше, – медленно выговаривая слова, произнес Гуров. – И не скажу ничего.

Орлов молчал долго, думал, и Гурову казалось, что он видит, как в голове полковника медленно, сбиваясь, ворочаются колесики и винтики, словно в открытых часах. Наконец все встало на свои места, и часовой механизм заработал ритмично, как ему и положено.

– В то же время, на том же шоссе видели машину Потапова, я сейчас от него. Из кабинета генерала вышел врач, а у генерала физиономия, будто он еще вчера умер.

– Надорвался на тренажерах, – попытался отшутиться Гуров.

– Что ты с ним сделал?

– Я решаю личные проблемы, тебя они не касаются.

– С каких пор твои проблемы меня не касаются?

Гуров понял, что заигрался, и решил разговор прекратить:

– Ладно, хватит. Ты меня знаешь, больше я ничего не скажу.

– Не хочешь меня вмешивать в это дело, делать меня соучастником? Понял. – Орлов хлопнул ладонью по столу. – Ты докатился до преступления. Что прикажешь делать? Отстранять от работы? Подать рапорт генералу Турилину?

– Интересное кино! – впервые за все утро Гуров рассмеялся. – Каждый стоящий сыщик нашей конторы знает, что генерал Потапов был связан с коррупцией. Константин Константинович, полковник Орлов, подполковник Гуров, наверняка есть еще люди, которые не сомневаются, что данный индивид не порвал свои преступные связи. Перестройка! Ты, Петр Николаевич, со своей фигой в кармане в отношении меня помалкивай. А если тебе за державу обидно, займись генералом Потаповым.

– А чего им заниматься? – Орлов вздохнул. – Он тут последние дни.

– Это мы уже проходили, последние его дни наступили еще два года назад.

– Ладно, – полковник махнул рукой на друга. – Тема закрыта. Ты человек взрослый, живи, как считаешь нужным, однако не забывай, что я твой друг и пока не умер.

– Я помню.

– Твоего финансиста Лебедева пришлось освободить. – Орлов взглянул на Гурова и продолжал: – Все было бы очень смешно, если бы не было так грустно. Утром к нему приходят в камеру, а он сидит и спокойненько пасьянс раскладывает. Откуда карты? Вы тут служите, отве-

чает, должны знать, что и откуда. А пока не мешайте, я для короля червей место подходящее найти не могу. И сообщите своему начальству, если меня немедленно не освободят, я нарисую такую «телегу» на имя съезда, что они всю оставшуюся жизнь проведут в бане, отмываясь.

Орлов помолчал, сопел, словно обиженный ребенок.

– Ну, мне передали, я угрозы в своей жизни, слава богу, и раньше слышал, приказал героя доставить и коротко сказал, мол, ответьте мне, откуда у вас пятьсот тысяч рублей и пять тысяч долларов, – я извинюсь и подам машину к подъезду.

– А он? – не выдержал Гуров.

– Он вкрадчиво ответил, кто, где, когда и с какой целью вручил ему деньги и валюту. Мы пригласили кредитора, который приехать отказался ввиду крайней занятости. Следователь прокуратуры нанес ему визит, затем позвонил и объяснил мне, что я занимаюсь произволом, деньги и валюта чистые, советские люди – люди свободные и могут друг другу одалживать любые суммы. Все. Так что медаль «За сообразительность», которую тебе хотели вручить, ты не получишь.

– А Иван Сыч не рассказывал, кто ему подарил пистолет, из которого в последнее время совершили шесть убийств? – поинтересовался Гуров. – И он рукояткой этого пистолета пытался проломить голову капитану Крячко. Кстати, как его здоровье?

– Станислав чувствует себя прилично. Ты вовремя поинтересовался. – Орлов взглянул на часы. – Я был уверен, что ты в восемь будешь уже в госпитале. Но ты о приятеле забыл и находился в ином месте.

– Значит, Иван Сыч сидит крепко, а у Лебедева оказалось прикрытие, – рассуждал Гуров, не обращая внимания на колкости полковника. – Оказалось... А ведь никакого прикрытия у Лебедева не было. Мы не попали на домашнюю заготовку. Иначе Лебедев еще вечером заявил бы, откуда у него деньги и валюта, и не ночевал бы в изоляторе.

– Ясное дело. – Орлов с флегматичным видом грыз спичку. – Наша контора течет, как дырявое ведро. Информация ушла и вернулась в виде прикрытия. Еще и карты передали, мол, покажите этим мусорам, что даже в их внутреннем изоляторе мы творим что хотим.

Губы Орлова истончились, чуть дрожали, но голосом он владел и закончил монолог спокойно.

– Еще не вечер, полковник, – сказал Гуров.

– Ты уже это говорил.

– Я не оригинален, но упрям. – Гуров встал, хотел взять свой пистолет, который продолжал лежать на письменном столе, но Орлов остановил:

– Ты оставил пистолет у меня в сейфе, когда уходил в отпуск. – Орлов взял пистолет Гурова и вышел из кабинета.

Полковник закрыл за собой дверь, и Гуров вновь взглянул на часы. Стрелки заклинило, или они прилипли к циферблату, в общем, они не двигались. «Необходимо чем-то себя занять, иначе я не доживу до завтрашнего утра, – подумал Гуров. – Еще этот чертов отпуск. Съездить к Станиславу в госпиталь? Не годится, силушки на такое не хватит. Потапов вызвал в кабинет врача, генералу все дозволено, – Гуров потер ладонью грудь. – А кто меня откачивать будет? А если Потапов не решает? В Корпорации наверняка знают, что он у нас не в чести и висит на ниточке. И кто-то главный, нам неизвестный, пошлет генерала далеко-далеко. А потом этот главный направит своего человека ко мне. Мои девочки сами по себе Корпорации совершенно ни к чему. Им нужен я, подполковник Гуров. На кой черт, спрашивается, нужен подполковник, когда у них генерал имеется?»

Профессиональный наемный убийца Иван Сыч сидел в одиночной камере и пил чай. Убийца знал, что пистолет, с которым его взял этот чертов сыщик, тонет в крови, и всю эту

кровь, до последней капельки, выльют на голову Ивану Сычу. Надо признать одно убийство, только одно, и начинать с сыщиками торговаться.

Иван, читая газеты, всегда удивлялся, как журналисты кидаются на сыщиков и следователей за торг с преступниками, за угрозы расстрелом. Анекдот, да и только. Сыщики приговор не выносят, каждый щенок знает. Следователю и сыщику вообще наплевать, сколько лет кому отрежут или вышку вынесут.

«Я теперь для этой голубоглазой сволочи пар, ничто. С другой стороны, подполковник может этот пар в форточку выпустить, а может информацию получить и по ней к большим чинам поехать. И ему, как человеку живому, желательно второе. Я беру лишь один эпизод, каюсь. Он меня на большее не мотает. За это я ему помогу. Кого сдать? Так, чтобы и авторитетов на воле не обидеть, и сыщику сунуть кусок, от которого он отказаться не в силах?»

Рассуждения Ивана прервали шаги за дверью, лязгнули замки, дверь приоткрылась и тут же захлопнулась. Он сначала ничего не понял, затем увидел на полу бумажный шарик. Иван вскочил, поднял, расправил. Текст был печатный, четкий, Иван прочитал раз, второй, все запомнил, в голове стучали последние слова: «В дороге мы тебя освободим».

Иван разорвал послание, растер ладонями в пыль, стряхнул в парашу.

Через час он уже сидел в кабинете Гурова, смотрел спокойно, уверенно, говорил тихо:

– Прикинул я с одного угла, с другого и понял, Лев Иванович, что свои меня, возможно, и убьют. Но то – возможно, а по суду мне мимо вышки не проскочить, это абсолютно точно. Так лучше в мутной воде свой шанс ловить, чем по чистой струе в крематорий доехать.

– И вы решили назвать человека, который вам вчера передал этот пистолет, – сказал Гуров.

– Ну, человека я назвать не могу, – ответил Иван. – В нашем обществе визитки не в ходу. Однако на квартиру, где мне эту чертову пушку сунули, отведу.

– Адреса вы, естественно, не знаете.

– Слушай, сыщик, у тебя виски серебрят, не говори лишнего. – Иван поморщился. – За мной одно мокрое есть. Я не говорю, что вчера ЦППШ закончил. Я вор, преступник, даже убийца. Но я хочу по-честному, что мое – мое, а чужого мне не требуется.

Говорил Сыч убедительно, искренне – Гуров не верил ни единому слову. Что торг начнется – это известно, но не так же быстро, через три-четыре допроса, не раньше. Чего он добивается? Он хочет выехать за город. Рассчитывает бежать? Не мальчишка, чтобы так думать... Побег в одиночку отпадает. Его позвали с воли? А почему нет? Если мгновенно установили связь с Лебедевым, почему не могли установить связь с Иваном? И ему пообещали свободу. Такое возможно... Человек под расстрельной статьей словоохотлив и потому очень опасен.

Гуров вызвал конвой, сухо сказал:

– Я подумаю.

– Как следует подумай, Лев Иванович. Ты поймал золотую рыбку. – Иван легко поднялся, заложил руки за спину, вышел.

Гуров остался один. «Сейчас позвонят и предложат обмен. Ты нам, мы тебе. Буду торговаться? Нет, соглашусь, но сначала девочек в Москву. Что со мной?» – Гуров хотел подняться из-за стола и не смог. Ноги не слушались, в груди защемило, во рту стало сухо, руки начало сводить. Он рывком встал, отбросил кресло и упал на колени. Неожиданно стало легче, и он смог подняться с пола, перевести дух, поставить на место опрокинутое кресло.

«Идиот, такого не может быть! Они разыскали и захватили девочек раньше, чем я взял убийцу. Они не могли успеть... Они хотят от меня не Ивана, им нужно что-то другое». И хотя это «что-то», возможно, изначально страшнее, но оно наступит позже. Сознание, что расплачиваться придется не сию минуту, придало ему силы.

Гуров причесался, поправил галстук, шумно вдохнул и выдохнул, проверяя, как это у него получается, и пошел к Орлову.

Полковник что-то писал, глянул недовольно, кивнул на кресло, затем отложил ручку и снял очки. Выслушав короткое сообщение Гурова, полковник задумался, по привычке вытянул губы трубочкой и стал похож на обиженного пенсионера.

– Ну? – спросил он. – Соображения?

– Ты все сам понимаешь, – ответил Гуров. – Либо он собирается бежать, что маловероятно, либо Сыча попытаются отбить.

– Значит, у него есть связь...

– Это мы уже проходили, – перебил Гуров. – Мы должны в эту ловушку сунуться. Мы их ищем и не имеем права отказываться от встречи. Если мы днем в Москве боимся встречи с бандитами, то...

– Боимся – не боимся, – перебил Орлов. – Это сопля, секция мягких игрушек. Разработай план, в операции ты участия принимать не будешь.

– Вы не имеете права...

– Я? – Орлов привстал. – Чего я не имею?

– Извини, ты все имеешь. Однако решение твое неразумно. – Гуров перехватил инициативу, почувствовал себя увереннее. – У меня с Сычом свои отношения, я его понимаю, чувствую.

– Ладно. – Орлов устало махнул рукой. – Иди думай, подбирай людей. – Он вышел из-за стола, открыл сейф, достал пистолет. – Возьми, потом положишь на место.

Гуров надел Сычу наручники, усадил в «Волгу». Вторая машина с опергруппой двинулась следом, но, как и было предусмотрено, отстала и затерялась в потоке.

– Командуйте, – сказал Гуров. – Куда едем?

– Я Москву знаю плохо, будем танцевать от печки, – сказал Сыч. – Три вокзала.

Он помнил полученную инструкцию, машины с опергруппой не видел, но не сомневался, что она существует, и не очень-то понимал, как его собираются отбивать.

Гуров взял рацию и сказал:

– Три вокзала. – Выключил рацию, повернулся к Сычу: – Рассказывайте, куда мы поедем дальше, после Комсомольской?

– Да я, что помнил, уже написал, – ответил Иван. – Дальше мне глядеть надо, вспоминать.

– Рассказывайте. – Гуров снял с Ивана один браслет, застегнул на своем запястье. – Извините, но фраера живут в соседнем подъезде.

Миновав вокзалы, машина свернула в один переулок, затем в другой, Иван попросил остановиться, мол, требуется оглядеть дома, вспомнить.

Гуров в рацию назвал место своего нахождения, оглядел переулок, и они вышли из машины.

Дальнейшее произошло быстро и неинтересно. Иван не успел сделать и нескольких шагов, как раздались три выстрела. Две пули пробили грудь Ивана, третья вспорола колесо «Волги». Стреляли из подворотни, метров с десяти. Иван упал, потянул за собой Гурова, который тоже упал на колени. Подлетела машина, оперативники выскочили, побежали.

Гурова охватила апатия, он понимал, что пути отхода преступники выверили, дворы, конечно, проходные, а там машина... Москва... Как говорится, с концами.

Он отстегнул наручники, сунул в карман и стал равнодушно ждать возвращения захваченных товарищей.

В кабинете генерала Константина Константиновича Турилина веяло холодком. Хозяин, как обычно, в строгом штатском костюме, белоснежной рубашке, с безукоризненно повязанным галстуком, сидел во главе стола для совещаний и поигрывал остро отточенным карандашом. Справа от него в генеральском мундире сидел Потапов. Он осунулся и, что уже совсем на него не походило, слегка горбился, ссадинку, полученную утром в роще, он заклеил кусочком пластыря. Орлов и Гуров расположились слева от Турилина, напротив Потапова.

Гурова предстоящий разговор не волновал, главное – завтрашнее утро, девочки, а все остальное может гореть голубым огнем либо другим цветом, ему безразлично. Вся эта холодная торжественность, как бы гарантирующая предстоящую объективность разбирательства, безукоризненные манеры хозяина, которому почти двадцать лет пытался подражать Гуров, сейчас раздражали до крайности. «Все время играем, что-то изображаем, а ведь мы живые, из мяса, костей, нервов, и сердце у каждого одно».

Раздался телефонный звонок, и так как все аппараты, кроме одного, были переключены на секретаря, генерал поднялся, прошел к своему столу и снял трубку.

– Турилин.

– Здравствуйте, Константин Константинович.

Турилин узнал голос, но не хотел, чтобы присутствовавшие знали, с кем он говорит, и ответил:

– Добрый день.

– Совещание?

– Небольшое.

– Ну что, генерал? Вчера за здоровье, сегодня за упокой?

Звонил заместитель министра, но Турилин счел возможным не ответить на столь риторический вопрос.

– Понимаю, жизнь не гладкая, в полосочку. Но ваш Гуров становится однообразно утомительным. Я не собираюсь учить вас, генерал, но полагаю, что вас заслушают на коллегии министерства. Продумайте ситуацию и накажите героя примерно. Я неоднократно слышу эту фамилию и изрядно от нее устал.

– Разрешите вопрос? – тихо спросил Турилин.

– Разрешаю. – Замминистра рассмеялся. – Не сердись, Константин Константинович. Тебе же отлично известно, что положение обязывает. Я говорю то, что должен сказать.

– У меня служат офицеры, фамилии которых не знаете не только вы, но даже я подзабыл. Они служат по тридцать лет и безвестными уходят на пенсию.

– Хорошо, хорошо. – Замминистра вздохнул. – Поступай как знаешь, я тебя предупредил.

Гуров к разговору не прислушивался, но понимал, что беседуют о нем. Он разглядывал Потапова, который сосредоточенно изучал сцепленные в замок пальцы, вспоминал, как генерал стоял на коленях в талом снегу, и подумал, что если девочки завтра не вернуться, то он, подполковник милиции Лев Иванович Гуров, этого человека убьет. Вся история в роще со стрельбой камуфляж, он никогда не толкнет Сергачева на убийство. Гуров убьет эту сволочь своими руками.

Потапов поднял глаза, встретился с Гуровым взглядом. Гуров коснулся кончиками пальцев виска, затем взглянул на часы.

Орлов вздрогнул, быстро взглянул на Гурова, затем на Потапова.

«Вот сволочь, – подумал Гуров о своем начальнике и друге, – у него необыкновенное верхнее чутье». Гуров пододвинул к себе массивную сверкающую пепельницу и начал бессмысленно ее крутить. Он чувствовал на себе пытливый взгляд Орлова, но головы не поднимал, как бы признавая свою вину, да вот только не объясняя, в чем же именно она состоит.

Турилин занял свое место и сказал:

– Да курите вы, черт бы вас побрал. – Он оттянул пальцами тугой воротничок рубашки. – Лев Иванович, плесни мне, пожалуйста, боржомом.

Гуров открыл одну из стоявших на столе бутылок, наполнил бокал, перегнулся через стол, поставил перед генералом.

– Пожалуйста.

– Благодарю. – Турилин чуть коснулся руки Гурова, взял бокал, взглянул на Орлова, затем на Потапова.

– Генерала Потапова представлять нет необходимости. Сергей Михайлович приехал к нам, чтобы помочь объективно разобраться в происшедшем.

– Константин Константинович, я здесь по воле руководства, документы читал, вопросов к полковнику Орлову и подполковнику Гурову у меня нет. Конечно, стрельба в центре города, смерть столь опасного преступника, который наверняка и важный свидетель, безусловно, ЧП. – Потапов говорил тихо, гладко, без пауз, чувствовалось, что речь свою он заготовил. – Но на оперативной работе без накладок и ЧП не прожить. Слава богу, никто из посторонних не пострадал и Лев Иванович остался жив. Так что считаю нужным провести анализ происшедшего, учесть ошибки на будущее. У меня все.

Гуров старался не улыбаться и продолжал гладить пальцами хрустальную пепельницу, а Турилин и Орлов обменялись взглядами, затем полковник посмотрел на Гурова, а генерал недоуменно – на Потапова. После паузы Турилин как-то растерянно сказал:

– Да, случается... Произвести три выстрела, две пули в груди преступника, одна в колесе машины...

Гуров отлично понимал, что ему следует молчать, но не выдержал и сказал:

– А я стоял рядом. Полагаю, что просматриваются три версии.

Орлов наступил ему на ногу, но Гурова понесло:

– Первое: у них плохо с патронами. Второе: я им лично симпатичен, и третье: подполковник Гуров – человек Корпорации. А в принципе накладка. И зачем я жив остался?

– У тебя жена и племяшка? – неожиданно спросил Турилин и не обратил внимания, как встретились взглядом Гуров и Потапов. А полковник Орлов на данный, казалось бы, незначительный факт внимание очень даже обратил.

– Ольга – сестра жены. Нам с супругой, как в старину говорили, бог детей не дал. Я Ольгу удочерил, – ответил Гуров.

Орлов продолжал давить на ногу Гурова. Турилин кивнул и продолжал:

– Ты их, естественно, любишь. А я, старый... – генерал кашлянул, – люблю тебя. И ты, как всякий эгоист, моей любовью пользуешься.

– Что тоже естественно, – снова встрял Гуров.

Турилин постучал карандашом по папке, которая лежала на столе.

– Тебя требуют прокуратура и особый отдел. – Он взглянул на Потапова: – Генерал, мы можем с «особкой» повременить? Человек ведь в отпуске...

– Перестройка перестройкой, а перестраховщики перестраховщиками. Телефонный звонок не указ, потребуйте бумагу. Пока напишут, пока пришлют, подполковник может уехать в санаторий... Хотя для одного отпуска у Льва Ивановича накопилось многовато...

– Спасибо, мир не без добрых людей, – Гуров встал. – Разрешите?

– Сдайте личное оружие и не выезжайте из Москвы, подполковник. – Константин Константинович посмотрел на Орлова, кивнул на дверь.

Орлов поднялся и, глядя на Потапова, сказал:

– Личное оружие подполковника Гурова со дня его нахождения в отпуске находится в моем сейфе.

– Хорошо, хорошо, – рассеянно ответил Турилин и жестом пригласил генерала Потапова перейти к письменному столу.

Гуров и Орлов шли по коридору, молчали, у кабинета полковник остановился.

– Что Потапов сегодня связан с преступниками, еще доказать надо, – проговорил он, вытянул губы и скосил глаза на кончик носа. – А вот что он, сволочь, службист и зануда, неожиданно душевность проявил, это я сейчас наблюдал. – Он перестал корчить гримасы, схватил Гурова за рукав, заглянул в глаза: – К чему бы это?

– Человек – существо сложное, противоречивое... – начал было Гуров.

Орлов отпер дверь, затащил Гурова в кабинет и зашептал:

– Почему в тебя не стреляли? Не промахнулись, а просто не стреляли? Говори, сукин сын!

Глава 3

А за Уралом накатывалась ночь. Рита, Ольга и Эфенди сидели в гостиной у камина и пили чай с медом.

– А я уезжать не хочу, – сказала Рита, потягиваясь в кресле и глядя на полыхающие поленья.

– Да! – подхватила Ольга. – Мы не хотим!

В темном углу гостиной скрипнул ставень. Эфенди незаметным движением передвинул кобуру с пистолетом и, стараясь придать голосу беззаботность, ответил:

– И я делаю не то, что хочу. Жизнь!

– Жаль, – Рита вздохнула. – Красиво у вас, я никогда не думала, что ели бывают разные, здесь они совсем иные, чем под Москвой. А люди какие! Понимаете, в Москве мы все очерствели...

Эфенди облизнул сухие губы, расстегнул кобуру, привстал и неожиданно бросился на Риту, сбил ее на пол вместе с креслом, одновременно выхватил пистолет, прокатился по ковру и выстрелил в окно, из которого в это же мгновение полыхнул ружейный залп.

– Лежать! – крикнул Эфенди девочкам, произнес еще что-то непонятное и с пистолетом в руке выпрыгнул в черное окно.

Стрелявшего Эфенди не догнал и возвращался хмурый, злой на себя и на сорвавшихся с резьбы подчиненных.

«Старый стал, – рассуждал он, стряхивая снег и тяжело переводя дыхание. – Еще вожак, но уже старый, иначе не посмели бы, чуют, щенки, что хватка ослабла».

Был он исконно русским. Силин Леонид Ильич, а кличку Эфенди он получил в зоне более тридцати лет назад и привык к ней, как человек привыкает к своему имени. Он родился в Узбекистане, на первый этап вышел в расшитой тубетейке, и кто-то из конвоиров, не помня его фамилии, окликнул:

– Эй, ты, как тебя? – и неожиданно выпалил: – Эфенди!

Почему, отчего именно это слово выплюнул конвойный, неизвестно. С того дня никак иначе его не называли.

В армии по известным причинам Эфенди не служил, рос среди уголовников, но стал человеком дисциплинированным; получая приказ, выполнял не задумываясь; отдавая команды подчиненным, не сомневался, что они будут выполнены незамедлительно. Сегодня он был руководителем группы боевиков, гауптвахты у него не было, и нарушителей дисциплины Эфенди просто убивал. И вот незадача: вместо того чтобы убить обоих, убил лишь одного, за что мог и поплатиться.

Эфенди был достаточно умен, чтобы понимать, что есть много вопросов, на которые он не в состоянии найти ответ сам, и поэтому надо слушать старших. Ему приказали захватить девочнок, беречь и ждать, он и выполнял, и надо же было такому случиться.

Он вернулся в дом, оглядел пустую гостиную, догорающий камин, опрокинутую мебель, подошел к одной из дверей, постучал и громко сказал:

– Рита, Оля, это я, Эфенди. Не волнуйтесь, ничего не случилось, браконьеры пугают. Утром вылетите домой.

А в Москве был лишь вечер, трудящиеся пытались раздобыть что-нибудь на ужин и по глупости или от безысходности толкались по магазинам.

Не будучи оригинальными, Гуров и Сергачев встали в очередь за колбасой. В магазинах Гурова возмущала не скудость или полное отсутствие продуктов, а грязь и тошнотворный запах. Если ничего нет, то что же гниет?

– Лев Иванович, – тихо говорил Денис, – не будь ты святее папы римского. Один из наших в фирменном магазине заправляет, заскочим в него, все будет как в горькоме.

– Я не святой, я просто ленивый, – устало ответил Гуров. – Сейчас мы с тобой обойдемся, а вот завтра мне продукты нужны, – и про себя добавил: «Надеюсь». – Я тебе деньги дам, а ты завтра мне организуй, пожалуйста.

– Что вы там покупаете? – раздался позади визгливый голос.

Мужчина и женщина, в которых сразу угадывались провинциалы, стаскивали с прилавка осклизлые батоны колбасы, путались в сумках, испуганно оглядывались, словно воровали.

– Как саранча, – сказала женщина, стоявшая перед Гуровым. – Ездят, а нам жрать нечего.

– Это точно! – поддержал кто-то.

Супруги, втянув головы в плечи, подхватили тяжелые сумки, авоську с апельсинами и затрусили от прилавка.

– Надорвешься, деревня! Креста на вас нет! – выкрикнула стоявшая впереди женщина.

Гуров хотел высказаться, сжал челюсти и лишь подтолкнул в спину «христианку» так, что та проскочила мимо прилавка.

– Да я тебя! – женщина развернулась, увидела Гурова и Дениса, поняла, что справиться с этими двумя даже ей, закаленной в боях, не под силу, и задохнулась.

Когда проглотили яичницу с колбасой и пили чай, молчавший весь вечер Денис спросил:

– Что дальше?

– По ситуации, – ответил Гуров. – Сейчас не наш ход.

– Смотрю я на тебя и думаю, зря ты спортом не занимаешься, в тебе есть... – Денис запнулся, подыскивая нужное слово. – Ты победитель.

Гуров вытряхнул из пачки сигарету, начал прикуривать.

– Цивилизованные люди курить бросают, а я только учусь. Тебе надо попасть в их команду.

– Хочешь сделать из меня разведчика?

– На нашем жаргоне это называется «ввод сотрудника в среду». Но ты не сотрудник, в этом твоя слабость и твоя сила. Они, без сомнения, знают о собрании, которое ты устроил летом, когда твои друзья меня под ручки взяли, и верить тебе не будут, но, как я понимаю, на контакт пойдут.

– Могут убить? – вырвалось у Дениса, и он поспешно добавил: – Я, в общем-то, не боюсь...

– И дурак, надо бояться, – перебил Гуров равнодушно. – Я тебя научу, как к ним приблизиться и через кого.

Молчали долго. Денис бездумно поглядывал в потолок, Гуров портил сигареты, просчитывал варианты.

– Они сами на тебя выйдут, – подводя итог своим размышлениям, сказал Гуров. – Я тебе не говорил, но тогда, за столом, среди твоих друзей-ветеранов был один... Он из той команды.

– Кто? – Денис приподнялся.

– Я не знаю, как его зовут. Кто завтра из твоих бывших тебе повстречается, тот и есть.

– Гуров! – Ольга выскочила из толпы и повисла у него на шее. – А в нас вчера стреляли!

Чтобы унять дрожь, Гуров крепко обнял девочку, и она тонко вскрикнула. Гвоздики в его руке сломались, он поцеловал Ольгу, опустил на пол и протянул сломанные цветы жене.

Рита взяла цветы, изучающе долго смотрела в лицо мужа, коснулась губами его щеки, кивнула на чемоданы и пошла из аэропорта к машине. Ольга состроила гримасу, попыталась отнять у Гурова свой чемодан, сказала:

– Кажется, они ревнуют. Гуров, ты в порядке?

Он не ответил. Подойдя к своим «Жигулям», уложил чемоданы в багажник, открыл дверцы, сел молча за руль. Ольга устроилась рядом, а Рита со сломанными гвоздиками в руках села сзади.

– Раз в жизни мы отдыхали, как белые люди. Сорвал с места, все испортил, теперь разговаривать не желает, – сказала Рита.

Она чувствовала, что что-то случилось, и вывод сделала самый примитивный – у Гурова другая женщина. Поэтому и неожиданный отъезд, похожий на принудительную ссылку, и скорое возвращение, и мертвое лицо, и даже вот сломанные гвоздики.

Гуров включил двигатель, но не ехал, в груди снова защемило, ноги куда-то пропали, он даже взглянул вниз, словно сомневался, все ли на месте, и пробормотал:

– Сейчас, только чуть погрею...

– Гуров! – Ольга взяла Гурова за рукав, начала теребить. – Улыбнись!

Он посмотрел на Ольгу и улыбнулся, но лучше бы ему этого не делать, потому что, кроме вымученного оскала, ничего не получилось. Девочка отшатнулась, втянула голову в плечи и затихла.

Гуров взял себя в руки, начал рассказывать, как жил один, скучал, пытался придумать что-нибудь смешное, покосился на Ольгу, увидев ее недоуменный взгляд, осекся и спросил:

– Я говорю что-нибудь не то?

– А ты себя слышишь? Ты уж лучше помолчи, следи за дорогой, – сказала Рита.

– Верно, – обрадованно заявила Ольга. – Я тебе лучше расскажу, что вчера с нами произошло. Я такое только в кино видела, да и то в американском.

Ольга рассказывала, Гуров слушал внимательно, иногда перебивая ее короткими вопросами, и пытался разобраться в причинах происшедшего. Эфенди был розыску известен. Только, по оперативным данным, он лет пятнадцать как пропал, его стали забывать, молодые уголовники имени его и не слышали.

Риту же заклинило на мысли, что у мужа роман, семья разваливается, что-то надо было делать, а как в таких случаях себя вести, неизвестно. Она была уже не девочка, которая, узнав об измене мужа, взмахнет хвостом, словно белка, и перепрыгнет на другую ветку. Рита приняла решение: «Буду терпеть и ждать, без боя ничего не отдам».

Приехав домой, Рита прошла по квартире, в спальне, прикрыв дверь, откинула покрывало, прижалась лицом к подушке. Наволочка была несвежая, но пахло только Гуровым. Она повеселела, заглянула в ванную и увидела... на щетке торчал светлый длинный волос. Она намотала волос на палец, передохнула, вернулась в большую комнату, распаковывая чемоданы, начала рассказывать:

– Дружок твой... Серов, кажется, встретил в аэропорту, привез в гостиницу. Скромный номерок, вода только холодная.

Гуров постепенно приходил в себя, оттаивал, даже вытянул ноги и пытался улыбаться. Ольга подошла к нему, показала огромную кедровую шишку и начала выколупывать орешки. Гуров обнял девочку за плечи и, снова не рассчитав силы, прижал к себе, Ольга вскрикнула.

Рита взглянула на сестру, на мизинец, обмотанный чужим волосом, упрямо наклонила голову и с трудом выговорила:

– В буфете грязь...

– И дохлые мухи, – встряла Ольга.

– Приставили к нам молодого оперативника, – продолжала Рита, – который ужасно стеснялся, таскал нас по городу, в общем, не приведи господи...

– А потом, я тебе уже рассказывала, – перебила Ольга. – Потом нас украли и отвезли в избушку на курьих ножках...

– Видимо, твой коллега наконец сообразил, что мы от скуки и голода помираем, – пояснила Рита. – Природа!

– Не еда, а сплошная вкуснятина!

– А люди! Сразу чувствуется, что не вашего ведомства.

– А Эфенди? Как он тебя сбил, выстрелил и из окна... Прямо Чак Норрис! Эфенди – чудо, наверняка оперативник! – сказала Ольга.

– Дурацкая история с браконьером, – Рита пожалала плечами. – Сегодня в аэропорту Серов был вроде тебя, лицом темный и все скалился, улыбку изображал.

– Знаю, он сегодня звонил. Тот мальчик, что вас по городу сопровождал, вчера в госпитале скончался.

– Как? – Рита опустила на стул.

– Так! Люди рождаются и умирают! – сорвался Гуров. – Я тут тоже чуть не подох!

Ольга взглянула на Гурова, затем на сестру, взяла чемоданчик, пошла к двери и на пороге остановилась.

– Даю вам тридцать минут. Вернуться я должна в царство любви и счастья, – вышла и плотно закрыла за собой дверь.

– Что случилось? – спросила Рита.

– Ничего. У мужчин свои заботы. Я только сейчас понял, как люблю вас, – в груди у Гурова защемило, и он болезненно поморщился.

– Мужские заботы! Любишь? – Рита взглянула на свой мизинец, принесла из ванной щетку для волос, шмякнула ее на стол. – Сначала решила не заметить! Кобель, ты и есть кобель! – Она потянула на щетке волос. – Блондинка?

– Денис Сергачев заходил...

– Ага, расскажи морским пехотинцам! Ты бросаешь меня? Мы что, разводимся?

Гуров попытался обнять жену, но Рита отстранилась. Он лишь пожал плечами, прошел в кухню, достал из аптечки валокордин, вылил в стакан, в другой стакан налил водки до краев, выпил и то, и другое, закусил яблоком, налил еще водки.

Никакие слова не могли бы убедить Риту так, как вид непьющего мужа, который, не присаживаясь, глотал водку стаканами.

Она подошла, протянула рюмку:

– Тогда и мне плесни. За встречу! – Рита улыбнулась, взглянула мужу в лицо, быстро выпила и отвернулась.

Гуров провел ладонью по глазам, выпил, поцеловал жену в затылок, прошел к входной двери, запер на ключ и сказал:

– Телефон отключи. Будить только в случае пожара. – Он, не раздеваясь, лег, сунул ключ под подушку и закрыл глаза.

Выполняя полученный приказ, Эфенди прилетел в Москву с группой из пяти человек. Он был не согласен с начальством. Эти люди годились только для тайги или Средней Азии, и то лишь для провинции, минуя крупные города. В Москве, которую и многоопытный Эфенди боялся и терпеть не мог, парни были совершенно лишними, опасными. «Свои мысли доложу, – решил Эфенди, – а приказ есть приказ...» – И, забросив парней в окраинную гостиницу, долго ездил по столице, прежде чем рискнул объявиться у Лебедева.

Поздоровались сдержанно, о здоровье не спрашивали – были знакомы давно, хотя связи и не поддерживали. Что может быть общего у финансиста и бандита? Лебедев сравнительно недавно узнал, что является фигурой не самостоятельной, есть люди и покрупнее, которые уже несколько лет использовали его «втемную», не раскрываясь, но помогая в операциях, реализовывая через него свою реальную власть, получая наличные деньги. Утром к Лебедеву заглянул человек, оставил чемодан и сказал:

– Прибыл Эфенди, поживет у тебя.

– Да я только что оттуда, – сказал Лебедев. – Могу находиться под наблюдением.

– Ты находишься только под нашим наблюдением. Патрон велел передать, что все средства, которыми ты обладаешь, принадлежат Корпорации. С сегодняшнего дня ты лишь кассир и полноправный акционер, – сказал посыльный, оставил чемодан и ушел.

Лебедев испугался, что в чемодане наркотики, тут же открыл его и тщательно осмотрел. Но, кроме костюма, плаща, обуви и прочей одежды, ничего не нашел и успокоился.

«Они имеют право, – рассудил Лебедев. – Освободили меня мгновенно, Иван Сыч, единственный человек, который мог спалить меня, мертв. А деньги? Что деньги? Фантики. Связь у них отлажена, власть практически не ограничена, лучше быть седьмым в упряжке, но на свободе, чем вожаком в одиночной камере».

Эфенди брился в ванной у зеркала, поглядывая на Лебедева, который стоял в дверях и крутил между пальцев связку ключей. Эфенди протер лицо одеколоном, прошел мимо хозяина и, скинув халат, начал молча одеваться.

Лебедев наблюдал за гостем, отметил, как ловко тот повязал галстук, и подумал, что недооценивает этого человека, он совсем не так неотесан и прост, и не зря Патрон благоволил к нему. Эфенди еще раз поправил воротничок белоснежной рубашки, одернул безукоризненно сшитый пиджак, снял с вешалки плащ и шляпу, протянул руку.

Лебедев вложил ему в ладонь ключи от квартиры, спросил:

– Деньги нужны?

– Немного, – равнодушно ответил Эфенди, взял протянутые ему банкноты, небрежно сунул в карман и, заметив удивленный взгляд хозяина, спросил: – Что-нибудь не так? – Он вновь одернул пиджак, оглядел себя, поддернул штанину. – Носки не в тон?

– Да нет, ты отлично выглядишь, – ответил Лебедев. – Идешь на дипломатический прием?

– Не знаю. – Эфенди пожал плечами. – Мне назначили время, указали место и предупредили, чтобы я был одет как следует.

– Ты одет как следует, – повторил Лебедев, проводил гостя до двери, заперся на засов и подумал: «Да, оказывается, я мелко плаваю. Вот каких Патрон имеет исполнителей: в грязном кишлаке и в столице Эфенди свой человек».

Денис Сергачев решил заняться самодеятельностью. Сыщик предупредил – не дергайся, тебя найдут. Прождав два дня, Денис решил, что Гуров ошибся, позвонил подполковнику.

– Я же тебе все объяснил, – сухо сказал Гуров. – Ты работаешь в журнале? Вот и занимайся своим делом, будешь нужен, я объявлюсь.

– Лев Иванович, я никогда не ходил с дистанции, – обиделся Денис. – Я рад, что твои девочки дома, значит, первый раунд, самый главный, мы выиграли. Как я понимаю, ты не ушел со стадиона...

– Денис, – перебил Гуров. – Ты мне очень помог, я твой должник. Но я – это я, а ты – это ты. И не говори со мной на спортивном жаргоне, словно других слов не знаешь. Но уж коли тебе так хочется, то, используя твою терминологию, скажу: мы ничего не выиграли, нам победу просто подарили. Ты веришь противнику, который тебе подыгрывает? Ты должен меня слушаться, иначе вляпаешься в историю и меня затянешь по самые уши. Жди. В нашем деле контратака часто выгоднее.

«Он меня оберегает», – решил Денис и начал действовать. Три дня назад, проезжая по улице Воровского, Гуров кивнул на дом и сказал:

– Здесь живет подпольный миллионер. Я его взял с поличным, а он выскочил.

Денис улицу Воровского знал отлично, здесь, во дворе, спортзал «Спартака». И вот, решая, с чего начать, Денис приехал сюда, остановил машину у обочины, рядом со зданием Верховного Суда, и начал прогуливаться, поглядывая на указанный Гуровым дом. На Эфенди он обратил внимание случайно, из-за брезентового плаща с капюшоном и сапог, которые в

Москве давно не носили. Взглянув на приезжего, Денис сразу понял, что человек этот – не москвич, сомневаться в том не приходилось. Денис мельком отметил, что этот дядечка изда- лека и уж точно не к миллионеру приехал, – подумал и забыл. Болтаться по улице без дела быстро надоело, и Денис свернул во двор и заглянул в спортзал. Никого из знакомых он, есте- ственно, не нашел, люди все были молодые, новые, уборщица тоже новая, только ругалась она по-старому. Равнодушно постояв на пороге маленького зала, где ребята громыхали желе- зом, Денис вернулся на улицу, решил было сесть в машину и вернуться в редакцию, когда увидел, как из подъезда вышел элегантно одетый мужчина. Может, тот самый миллионщик, подумал Денис. Интересно, как он выглядит? За границей Денис Сергачев не раз встречался с очень богатыми людьми и знал, что в загнивающем обществе по внешности не определить, кто сколько стоит. Интересно было взглянуть на своего, доморощенного, и Денис остановился, пропустил мужчину, пригляделся и оторопел. Он узнал нелепого провинциала в брезенте и сапогах. Одежда была совсем иная, но вот загар, не мягкий курортный, а годами въедавшийся от солнца и ветра, спутать было невозможно. Денис отвел взгляд, тихонечко присвистнул и, отпустив Эфенди шагов на двадцать, двинулся следом. Новоявленный «джентльмен» свернул в переулок и направился в сторону проспекта Калинина.

Переулок был узкий, у тротуаров жались редко стоявшие машины, было малоллюдно. Денис оперативной работы не знал, прилепился взглядом к объекту и не заметил, что его самого уже «ведут», а из замызганных «Жигулей» вылезли еще двое.

Сейчас мы посмотрим на этого Аль-Рашида, рассуждал Денис, радуясь, что приехал не зря и будет что рассказать самоуверенному сыщику. Вскоре впереди зашумел проспект, и Денис, боясь потерять незнакомца в людской толчее, прибавил шагу. Неожиданно в голове что-то взорвалось, на глаза упала ночь. В улетающем сознании мелькнула мысль, что надо бы устоять на ногах, но мысль тут же исчезла, ноги подкосились.

Но Денис не упал, так как ударивший кастетом мужчина и его напарник подхватили обмякшее тело и легко забросили в подъехавшую машину.

– Парни, да это Денис Сергачев, – сказал водитель. – Он-то мне и нужен, как говорится, на ловца и зверь бежит. Топайте себе, а я его починять поеду.

Олег Веселов, мастер спорта по вольной борьбе, понимал толк в травмах. Ощупав голову Дениса, Веселов пришел к выводу, что жить чемпион будет, но показать его врачам следует, и погнал машину в травмопункт ближайшей поликлиники.

Веселов служил в Корпорации второй год, человек феноменальной силы, среднего ума, дисциплинированный, выпивающий, когда можно, в нужный момент всегда трезвый, он поль- зовался доверием руководства. Два дня назад он получил приказ найти Дениса Сергачева и представить по инстанции. Веселов высказал опасения, что Денис идейный, рассказал о това- рищеском обеде и встрече с подполковником из МУРа. Но бывшему борцу объяснили, что это не его ума дело, задача у него простая, только встретиться с Сергачевым следует «случайно». Он позвонил Денису, но тот от встречи отказался, сославшись на занятость. Помня получен- ные указания, Веселов не настаивал, а сегодня, работая «шофером», даже не зная, чем заняты «коллеги», принял в машину бесчувственное тело, понял, что подфартило, и решил выжать из этой ситуации максимум.

Денис выныривал из небытия, снова в него опускался и снова выныривал. Окончательно он пришел в себя от знакомого запаха нашатыря и, взглянув на медсестру, ясным голосом сказал:

– Сколько лет, сколько зим!

– Мы незнакомы, – растерянно пробормотала девушка.

Денис отобрал у нее смоченную нашатырным спиртом ватку, сел на покрытом клеенкой диване, понюхал ватку, словно ароматный цветок.

– Нашатырь! Моя молодость!

– Лежите, вам нельзя..

– Девочка, – перебил Денис, осторожно поглаживая забинтованную голову, – ты понятия не имеешь, что мне можно, чего нельзя. – Увидев Веселова, блаженно, несколько придурковато улыбнулся: – И ты здесь. Может, все вернулось? Я засадился на матче?

– Ты засадился не на матче, и ничего не вернулось, – ответил, улыбаясь, Веселов. – Тебе за сорок, ты давно отыгрался. Приляг!

Денис поднялся с койки, ухватился за Олега и сказал:

– Скажи девочке спасибо и до свидания, – и пошел к дверям.

– Вы с ума сошли! – крикнула медсестра.

– Здоровяк, – сказал появившийся в дверях врач. – Дома отлежится, – и пожал Веселову руку.

Когда спортсмены вышли, сестра возмущенно сказала:

– Как же вы его отпустили? У него же сотрясение...

– А у кого сейчас не сотрясение? И куда я его положу? В коридор? – пробормотал доктор и продолжал в полный голос и нецензурно.

Веселов усадил Дениса в машину, начал уговаривать:

– Хорошо, ты не хочешь оставаться в этом приюте, понимаю. Давай я тебя отвезу в ЦИТО.

Ты – Денис Сергачев! По старой памяти примут.

Денис вялой рукой потрогал голову.

– А где ты меня... – медленно проговорил он, – подобрал?

– В переулке, между Воровского и проспектом Калинина, – ответил Веселов. – Ты лежишь, а добрые люди тебя обходят, боятся споткнуться. Кто же тебя так?

– У меня там машина. Надо забрать, – не отвечая на вопрос, сказал Денис и подумал: «Гуров сказал бы, что я вышел в цвет. Правда, другие слова он бы тоже употребил. Надо срочно позвонить...»

К дверям поликлиники подъехала «Скорая». Два санитары выскочили из машины. Один закурил, другой глянул на «Жигули», подошел, открыл дверцу, спросил:

– Помочь?

– Спасибо, нет проблем, – ответил Веселов.

Санитар смотрел на Дениса и не уходил.

– Как же его такого выпустили?

– Так ведь за бесплатно, – огрызнулся Веселов. – Брали бы деньги – не выпустили бы. Мне еще руку пожали, что забрал.

– Не пойдет, – санитар открыл заднюю дверь, – давай назад.

– Приятель, ты свободен. Убирайся, иначе я тебя здесь устрою так, что тебя долго не выпишут.

Санитар сплюнул и отошел, Веселов захлопнул дверцы.

– Олечка, поедем на Воровского, я тебе покажу, где стоит моя тачка, – Денис с каждой минутой прибавлял в силе, оживал. – Затем ты отвезешь меня домой, потом пригонишь тачку. Годится?

Так все и сделали. Когда Веселов привез его домой и уехал за машиной, Денис тут же позвонил Гурову и рассказал все.

– Лев Иванович, критику ты пропусти, переходи сразу к наставлениям. Олег парень свой в доску, возьмем его в команду.

Гуров помолчал, продумывая ситуацию, затем, тщательно подбирая слова, стараясь не обидеть Дениса, начал медленно говорить:

– Лечись, ты должен максимально быстро встать на ноги. Твой приятель уже из команды, только из команды противника. Ты должен верить мне на слово, но я тебе объясню. Если он

ехал на машине, увидел лежащего на тротуаре человека, то узнать тебя не мог. Ты что, когда за рулем, у каждого пьяного тормозишь?

– Я дурак?

– Ты просто новичок на чужом стадионе, – ответил Гуров. – Ты даже не знаешь правил игры. Выздоравливай. Он будет спрашивать обо мне, так ты в последний раз меня видел прошлым летом, в кафе. У тебя материальные сложности, займи у него денег. Ты ни за кем не следил. Ты пошел переулком, где живет твоя знакомая, машину оставил – женщина замужняя, а машина твоя в ее семье известна. Все понял?

– Кажется.

– Не хочу пугать, лишь констатирую факт. Если они узнают, что ты был со мной на Алтуфьевском в роще, убьют.

Положив трубку, Гуров начал бесцельно разгуливать по квартире. Ольга была в школе, жена на работе, делать совершенно нечего. Со дня возвращения девочек прошло два дня. Гуров ждал звонка. Так история закончиться не может, в этом он не сомневался. Чем дольше он думал и сопоставлял, тем вернее убеждался, что семью ему вернули не потому, что испугались угрозы, и генерал никак не мог быть центральной фигурой Корпорации. «Мой кавалерийский налет, конечно, оказался неожиданным, – рассуждал Гуров, – но не определяющим. Они изменили тактику, поэтому вернули девочек. Какую они преследуют цель и зачем я им нужен? Как информатор? Прежде чем за меня взяться, на подполковника Гурова собрали досье. Я живу скромно, не пью, никогда не шел на компромиссы с преступниками, скорее наоборот, известен как максималист, человек упрямый и несговорчивый. Доносчики у Корпорации есть, незачем им затевать рискованную дорогостоящую операцию ради приобретения еще одного стукача». Складывалась обычная история, когда вопросов значительно больше, чем ответов. Лишь в одном он не сомневался, что не сегодня, так завтра раздастся телефонный звонок и подполковника милиции преступники пригласят на переговоры. И он на переговоры пойдет, так как ему нужен не Потапов, а человек, который отдает команды, принимает решения. Роль Лебедева в Корпорации ясна – министр финансов. Возможно, не единственный финансист, наверняка есть и другие. Однако ясно: Лебедев – не глава, а как до него добраться?

Глава 4

В ресторане международного аэропорта Шереметьево-2 обстановка для каждого была знакомая. Бесчисленное количество столиков было сервировано, кого-то ожидали, а непрошенных посетителей, которые почему-то хотят поесть, у стеклянных дверей встречал монументальный швейцар. Точнее, он никого не встречал, а молча покуривал у закрытых изнутри наскобу дверей и лишь на очень нахальный стук лениво поворачивался и тыкал пальцем в картонную табличку с распространенным словосочетанием «мест нет». В принципе наши объявления очень лаконичны и однообразны по содержанию: «Не входить», «Не стучать», «Не сорить». Есть вариант второй, он же последний: «Закрыто», «Учет», «Ремонт». Со свойственной нам любовью к рационализации мы предлагаем нашему населению одномиллионным тиражом красиво написанное слово «нет». А руководителям с повышенным чувством юмора можно разрешить некоторое разнообразие. Например: «Пошел на...» или «Пошел в...».

Но наши герои обладали властью и деньгами, никакие объявления к ним отношения не имели, и за отдельно стоящим у огромного окна столиком сидели четверо мужчин. Генерала Потапова Сергея Михайловича и персонального пенсионера Лебедева Юрия Петровича представлять явно не требуется, а вот о двух других мужчинах следует сказать несколько слов.

Роговой Константин Васильевич, которого в узком кругу звали Патрон, видимо, был потомком Гаргантюа, ростом под два метра, весом около полутора центнеров, при бороде, с голосом выпивающего дьякона. Он был задумчив и молчалив. Сидел он, отодвинувшись от стола, в кресле помешался с трудом, рюмку в его руке разглядеть было невозможно, потому казалось, что пьет Патрон непосредственно из ладони.

Константин Васильевич являлся главой Корпорации, и именно его пытался найти подполковник Гуров. Сыщик и Патрон встречались уже дважды. Но в монументальной, величественной фигуре с депутатским значком на лацкане пиджака определить главу преступного клана мог лишь господь, а Гуров, как известно, был лишь человек.

Рядом с Патроном, немного сдвинувшись в сторону, так как места не хватало, сидел Волин Руслан Алексеевич, среди своих его звали Референт. Ему было сорок с небольшим, одевался он на английский манер, носил дымчатые очки, курил трубку, голос имел тихий, интеллигентный, и, когда начинал говорить, присутствующие замолкали, слушали затаив дыхание, то есть вели себя разумно, как ведут себя все смертные, когда говорит Референт или Помощник – ведь известно, что судьбой смертных распоряжаются они, а не Сам Лично, у которого забот и без мелочовки хватает. Референт открывал рот редко, лишь по указанию Самого Лично, был внимателен, умен, прекрасно слушал и обладал незаурядной памятью.

Итак, в закрытом для других ресторане международного аэропорта неторопливо пообедали генерал МВД, миллионер, Патрон и Референт.

Патрон говорил, и фразы его, простые и тяжеловесные, прерывались длинными паузами, когда он позволял себе что-нибудь глотнуть либо слегка откусать. В отношении того, что именно глотнуть или откусать, распространяться не следует, ясно, что как смешные запретные таблички, так и ресторанное меню к нашим героям никакого отношения не имеют. А если секрет их застолья раскрыть, то у некоторых может появиться соблазн бросить работу вместе с перестройкой и податься в мафию-корпорацию. Мы никого напитками и яствами не соблазняем, но, если всякие дурные мысли у претендента появятся, предупреждаем, что Корпорация – не партия, туда с характеристиками на простой бумаге не принимают.

– Ты с возрастом глупеешь, – Патрон смотрел на Лебедева ласково. – Тебе следует отдохнуть, подумать о душе. Сейчас мы тебя отпустить не можем. Инфляция, следует обезопасить себя от чужой глупости. Какую сумму ты можешь предоставить? Учитывая всех должников, долевыми, левыми, правыми... Нас интересует не точная цифра, а порядок.

Патрон проглотил коньяк, отвлекся на осетрину, а Лебедев задумался.

Порядок? Значит, плюс-минус миллион его не волнует, рассудил финансист и сказал:

– Один и пять. Миллиарда. Но сконцентрировать такие деньги в одном месте я не в силах.

Патрон огладил бороду, взглянул на Референта, который, казалось, и не слушал, а все свое внимание сосредоточил лишь на том, чтобы аккуратно разрезать яблоко. Но взгляд Патрона он почувствовал мгновенно, поднял голову и согласно кивнул, подтверждая, что цифра соответствует действительности.

– Хорошо, – Патрон снова огладил бороду. – У тебя есть неделя, Эфенди и генерал, – он кивнул на Потапова. – Собери в один кулак максимум и отправляйся на отдых. Как ты сам говаривал: домик, молодая жена и герань на подоконнике. Тебя никто не тронет, я гарантирую.

Лебедев знал, что Патрон слово свое держит всегда, и благодарно кивнул.

Патрон принялся за горячее, все молчали. Мгновенно расправившись с котлетой по-киевски, Патрон перевел взгляд на Потапова.

– Только сопляк мог своровать девок у оперативника. Я не знаю, какое место он тебе дверью прищемил, и знать не желаю.

Потапов головы не поднимал, человек не трусливый, он боялся Патрона больше, чем некогда замминистра – генерал-полковника. Последний мог разжаловать, уволить, оставить без пенсии, а этот бровью поведет – и ни один археолог твоих костей не найдет.

– Ты понимаешь, что люди, даже милиционеры, к нам, финансистам, настоящего зла не имеют. Многие, даже самые-самые принципиальные и глупые, неосознанно испытывают уважение, так как мы умнее, ловчее, оперативнее. Но если мы начнем убивать женщин, на нас поднимутся миром.

– Виноват. Однако, Константин Васильевич, – Потапов всегда называл Патрона по имени-отчеству, – все закончилось благополучно.

Патрон ничего не ответил, лишь покосился на Референта, который тут же ответил тонкой понимающей улыбкой.

– Что с тобой прикажешь делать? – Патрон смотрел на генерала внимательно, и это был не блеф, не поза, его действительно волновала судьба Потапова. – Ты кругом засветился, знаешь слишком много.

– Видимо, мне придется уйти на пенсию, уволиться, – ответил нерешительно Потапов.

– Без погон тебе цена – целковый. На пенсию тебе не прожить, начнешь крутиться, глупости делать. Морока, – Патрон вздохнул. – Будем решать неприятности по мере их поступления. Затихни, помоги министру финансов, – он кивнул на Лебедева. – Подумаем.

– Спасибо, – Потапов привстал и поклонился.

Патрон согласно кивнул и продолжал:

– Я просил найти этого спортсмена...

– Дениса Сергачева, – подсказал Референт.

– Где он?

– Нашли, установили связь, – ответил Потапов. – Но возникли некоторые сложности.

Патрон не ударил кулаком по столу, лишь опустил на него ладонь, но посуда зазвенела, один фужер опрокинулся.

– Я не желаю походить на партийного функционера, который ежедневно принимает важнейшие решения, выдает ценнейшие указания, а затем выслушивает объяснения, почему телега не едет.

– Отсутствие квалифицированных исполнителей – болезнь всего общества, – ответил Потапов. – А мы звено...

– Это ты, Сережа, звено, – перебил Патрон. – А я потому и создал свое дело, что звеном быть не желаю. Это у них никто ни за что не отвечает, а у меня ответят.

– Мы постараемся...

– Не мы, – вновь перебил Патрон, – а ты – лично, и не постарайся, а выполнишь. – Он перевел взгляд на Референта, тот мягко улыбнулся, поднял упавший фужер, налил в него вина, пододвинул хозяину.

Патрон выпил залпом, взглянул на часы, огладил бороду.

– Я через два дня вернусь, спасибо за компанию, вы свободны.

Потапов и Лебедев встали одновременно, генерал сказал:

– Счастливого пути, – и пошел к дверям.

Лебедев задержался.

– Я тебе не советую связываться с Гуровым. Не спорю, я постарел, однако возраст – не только потери, есть и приобретения. Я тебе очень не советую. – Он кивнул и двинулся следом за генералом.

Не сами слова, а убежденность и искренний тон произвели на Патрона сильное впечатление, он несколько смешался, долго молчал, наконец, не глядя на Референта, раздраженно сказал:

– Чувствую, ты мной недоволен. Мы одни... Выкладывай, я плачу тебе не за мудрое молчание, а за правду, которую должен знать.

– Пожалуйста. – Референт пересел на другую сторону стола, неторопливо выпил первую за весь обед рюмку и, тщательно подбирая слова, продолжил: – Во-первых, не тяни так сильно на себя, струна лопнет. Это они могут механизм сломать, а затем начать новый делать, имея партаппарат и танки. И все равно – в одном месте еще горит, в другом уже тлеет. Генерал, прямо скажем, не Спиноза, однако прав – профессионалов крайне мало и взять негде, котел один. Они из этого котла черпают, и мы черпаем, личностей мало, выудить их трудно. Извели личности, семьдесят лет – срок большой.

Референт – Руслан Алексеевич Волин – снял дымчатые очки, достал трубку и пачку фирменного табака.

– Я и говорю, мне нужен этот... как его? – Патрон щелкнул могучими пальцами, изобразив, что фамилию Гурова забыл, но Референт крючок не подхватил, молча набивал трубку.

– Ты чего замолк? – рассердился Патрон. – Цену себе набиваешь?

– Думаю, – спокойно ответил Референт. – О подполковнике Гурове поговорим позже. Сначала об этих, – он кивнул в сторону дверей, за которыми скрылись Потапов и Лебедев. – В отношении старшего ты прав, его можно в скором времени отстранить с миром, а с генералом придется решать, такую мину под себя закапывать слишком опасно. Органы на пенсию его, конечно, отпустят, но из поля зрения не выпускают.

– И что ты предлагаешь? Убить?

– Сварить петуха – дело нехитрое. – Референт наконец раскурил трубку, выпустил облако ароматного дыма. – Как из него съедобное блюдо приготовить? Это вопрос... Ты потерпи, я подумаю. А пока в структуре своего аппарата ничего не трогай. Они пусть сначала ломают, а потом строят. А ты сначала новое сделай.

– Для этого мне нужен профессионал экстра-класса...

– Константин Васильевич, – перебил Референт. – Ты такой большой, а ведешь себя как дитя малое. Хочу – вынь да положь. Ты примерь на себя. Представь, некто хочет тебя заставить делать то, что ты делать не желаешь. Более того, ты прилагаешь все усилия для получения результата обратного.

Константин Васильевич Роговой шумно засопел, разволновался, выпил залпом фужер вина и упрямо сказал:

– Мне нужен талантливый оперативник с безукоризненной репутацией. Найди его...

– На любого можно накинуть петлю, – сказал Референт. – Представь, ты поймал сильного хищника, допустим, леопарда, ведешь на поводке, заставляешь повиноваться. День, два, месяц. Но леопард ждет, каждое мгновение он тебя подкарауливает, неверное движение – и

либо ты вынужден его застрелить, либо он тебя разорвет. Думаю, тебя эта перспектива не прельщает. Однако Гуров – человек азартный, увлекающийся, при определенных условиях его можно попробовать использовать «втемную».

Роговой своего Референта ценил и в большинстве случаев к его советам прислушивался, но когда тот начинал философствовать, Патрон неизменно раздражался, распаялся, порой приходил в бешенство. Сейчас он постепенно приближался к критической точке. «Ох уж эти интеллигенты, только разреши им порассуждать, в словах потопят. Ситуация сложилась простая, как таблица умножения. Все накопленные капиталы не сегодня-завтра могут превратиться в осенние листья, которые, как известно, лишь кружатся. Необходима конвертируемая валюта. Есть возможность рубли поменять на наркотики и получить валюту. Но вывезти наркотики через таможеню может лишь человек с безупречной репутацией, знающий секреты оперативной работы. И такого человека нашли. А вместо конкретного совета – слова, слова, слова...»

– Я могу пойти с Гуровым на прямой контакт, – попыхивая трубкой, продолжал Референт, – тебе это обойдется в миллион.

– Только за результат, за контакт я тебе выдам почетную грамоту, – Патрон взглянул угрюмо, но получил в ответ такую обаятельную улыбку, что вынужден был грубую шутку смягчить. – На расходы – сколько требуется.

– Гурову необходимо выдать аванс, очень серьезный аванс, – сказал Референт. – Я, естественно, имею в виду не деньги.

– Продвинуться по службе? – догадался Патрон.

– Нет, но я знаю, что именно он возьмет. Значит, аванс, – Референт загнул палец. – Перспективу найти тебя, а он тебя уже ищет, – он загнул второй палец. – Перестраховаться и заготовить традиционную петлю. Что такие люди ценят больше, чем свою жизнь?

– Жизнь своих близких.

– Фамилию. Честь, – возразил Референт. – Как говорится, новое – это давно забытое старое. Гуров, как я понимаю, мамонт, и его болевая точка в глубине веков. Он сам этого не знает, а я знаю. И за мои знания ты не будешь торговаться, а заплатишь мне миллион. А теперь от слов к делу. Я буду пошляком, но скажу: дорога даже в десять тысяч миль начинается с первого шага. Хотя для тебя эта затасканная фраза может звучать и оригинально.

– Переходи к делу, шагай свои мили.

Референт взглянул на часы, перевел взгляд на двери, и они, словно повинувшись приказу, бесшумно открылись, и в ресторан вошел Эфенди. Легкой походкой он подошел, молча поклонился, сделал небольшую паузу, сел рядом с Референтом и без предисловий сказал:

– Я выполнил ваши указания.

Патрон никогда не встречался с Эфенди, но, конечно, знал о его существовании и месте в организации. Константин Васильевич внимательно оглядел гостя и, хотя был недоволен знакомством, постарался улыбнуться и, указав на стол, сказал:

– Перекусите с дороги.

– Спасибо, я сыт. – Эфенди налил себе минеральной воды.

– Хорошо выглядишь, значит, о здоровье не спрашиваю, – Референт видел, что хозяин недоволен, но считал встречу необходимой. – Мы тут без тебя рассуждаем об остром дефиците профессионалов. Как у тебя?

– Плохо. – Эфенди, хотя и носил костюм и рубашку с галстуком как одежду привычную, потер шею и расстегнул верхнюю пуговицу. – И ты не прав, что распорядился привезти парней. Я никогда не даю советы; приказы, поступающие сверху, не обсуждаются. Понимаю, ваша Москва нашпигована черт знает кем, но за своих людей отвечаю я...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.